

СВИДЕТЕЛИ ГЕНОЦИДА

24 июня 1861 г. Александр II издал рескрипт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта Евдокимова, в котором весьма чётко обозначил курс на полное изгнание черкесов и аннексию их страны. В рескрипте Александр писал: **«Ныне, с Божьей помощью, дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию. Остаётся несколько лет настойчивых усилий, чтобы совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда водворить на сих последних русское христианское население»**.

(Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848—1874). Ч. 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2003. С. 80 — 81).

Великий князь Михаил Николаевич, командующий Кавказской армией, сообщал своему царственному брату: **«Непременным условием окончания этой войны должно быть совершенное очищение восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию»**.

(Отзыв командующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича военному министру // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. Сб. архивных материалов. Нальчик, 2001. С. 264).

В марте 1864 г. великий князь Михаил Николаевич докладывал: **«Всё пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от устья Кубани до Туапсе очищены от враждебного нам населения»**. На документе рукой императора Александра II начертано: **«Слава богу»**.

(Отношение генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича военному министру о завершении заселения предгорной зоны и об успешных действиях Даховского и Джубгского отрядов // Проблемы Кавказской войны... С. 260).

Тактика выжженной земли приняла совершенно тотальный характер в 1828 г. О количестве сожженных аулов дает представление барон Сталь: **«Вся страна от верхней Кубани до р. Курджипса была предана пламени. 210**

деревень, огромные запасы хлеба и сена уничтожены, значительная баранта захвачена».

(Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник. Под ред. генерал-майора Потто. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1900. С. 164).

«И так, главное дело состоит теперь в том, чтобы покорить народы, занимающие плоскости на северной стороне Кавказа. Голод есть одно из сильнейших к тому средств. Чтобы произвести оный, нужно между прочим возбранить подвоз жизненных потребностей со стороны Черного моря... Истребление полей их в продолжении пяти лет сряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшие действия».

(Ответ генерала Вельяминова от 20 мая № 155-й на письмо командира отдельного Кавказского корпуса барона Розена от 13 мая 1833 г. № 279-й о представлении плана к окончательному покорению горцев. См.: Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 149-150, 153-154).

О том, как Вельяминов платил за голову черкеса десять рублей - видимо, далеко не каждого, но по какому-то соображению заинтересовавшего его своим типажом - писал ген.-л. Г. И. Филипсон, начинавший службу на Кавказе под руководством Вельяминова: **«Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлялись в Академию Наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка... Драка за трупы и отрезывание голов вошли в нравы и обычаи Кавказских войск. На первый раз, несмотря на воодушевление новизной картин и впечатлений, вид завернутых в холст голов, привязанных к концу казачьих пик, вызвал у меня чувство гадливости и омерзения».**

(Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М., 1885. С. 127).

«Засс, по обычаю, приказал отрезать головы убитых и с этим трофеем возвратился в свой Прочный Окоп. Через год после того, я встретил генерала Засса в Ставрополе. Он ехал на санях, а другие сани, закрытые полостию, ехали за ним. «Куда это, ваше превосходительство, и что вы везете»? – «Еду, земляк, в отпуск и везу Вельяминову в сдачу решенные дела». С этим словом он открыл полость, и я не без омерзения увидел штук пятьдесят голых черепов. Вельяминов отправил их в Академию Наук».

(Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. С. 102.)

«Местопребывание Засса, крепость Прочноокопская, повергало в ужас не только закубанцев, но и всех проезжающих. Она окружена была высоким валом с частоколом по гребню, на котором во многих местах торчали головы черкесов».

(Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис, 1900. С. 150).

«Поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути, — разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками; измождённые голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от измождения и ещё заживо делавшиеся добычею голодных собак... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих: им и самим перспектива была неутешительнее: турецкие шкиперы, из жадности, наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии... едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество».

(Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 457).

«Никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17.000 человек.

Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы, делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью в то время, как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери».

(Берже Ад. П. Выселение горцев с Кавказа. // Русская старина. 1882. т. 33. книга 2. стр. 362-363.).

«Тесно скученные в тысячных массах на небольшой равнине, возле Вельяминовского форта под открытым небом, пронизываемые постоянно холодным ветром, обливаемые частыми дождями, терпя недостаток в продовольствии и оставаясь без горячей пищи, дети, женщины и старики начали сильно болеть и умирать, в особенности от тифа и дизентерии. Большие и частые могилы свидетельствовали о множестве жертв, погибших на родном берегу».

(Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Журнал «Звезда», 2003. С. 550).

«Мы решились изгнать их, очевидно, в виду затруднений или неумения устроить дело так, чтобы, продолжая по прежнему жить в горах, вдоль берега Черного моря, они могли стать полезными, или, по крайней мере, безвредными для государства... Изгнание их было решено в качестве государственной необходимости; в перевозке на турецких фелюгах усмотрен самый удобный или даже единственно возможный способ исполнения... Нужны были особенно крепкие

нервы и немалая доля самообладания, чтобы в бессилии своем оставаться спокойным зрителем того, что совершалось на этом берегу. Верстах в двух-трех от впадения речки в море, по течению ее, на песке и голышах, наносимых половодьем, неделями оставались партии бесприютных, лишенных крова и очага. По несколько тысяч душ помещались одновременно на небольшом пространстве, отведенном им для стоянки и наблюдавшемся военными постами. Дни и ночи проводили они то под палящими лучами солнца, то под дождем и ветром... Атмосфера заражена была от накопления на небольшом пространстве животных и всяких других отбросов.

Так совершался разгром, разгром полный и бесповоротный – того, что строилось и крепло веками... И не единицами, не десятками, а сотнями и тысячами приходилось считать погибающих в этом катаклизме. Болезни и всякие невзгоды унесли многих еще до посадки на суда; скольких не досчитались при высадке на турецкий берег, после 15 и более дней плавания в самых ужасных условиях – это никогда не было выяснено; да и зачем? Очень многим, наконец, преимущественно в младшем возрасте, пришлось лечь искупительными жертвами приспособления к совершенно новым условиям жизни в суровой природе возвышенных малоазиатских плоскогорий...

Все это, т.е. бедствия, день-за-день переживаемые переселенцами, и перспектива предстоящих им впереди, было очевидно и понятно для нас, ближайших свидетелей погрома. Сердце сжималось и болело. Но, повторяю опять, в чем должна была здесь проявиться наша деятельность, в чем могли выразиться наше участие, наша помощь? Время от времени докладывали мы, что следовало бы, по крайней мере, более обеспечить переселенцев топливом, солью и другими предметами насущной потребности, или расширить район дозволенных им передвижений до первых предгорий, не лишенных древесной растительности.

Генерал наш сначала благосклонно выслушивал доклады, и, кажется, делал какие-то попытки с своей стороны; но потом стал обнаруживать явное нетерпение, резко отвечая, что все это не наше дело, что он только исполнитель; распоряжения же исходят от высшего начальства, которое знает, что делает, неуклонно преследуя свой план, внушенный высшими соображениями государственной необходимости.

Государственная необходимость – громкое, страшное слово! – Сколько на свете дел, совсем не вяжущихся с христианскою моралью, совершалось под его прикрытием в исторической жизни народов, от времен отдаленнейших до событий нам современных».

(Староставский А. В горах. Из давних воспоминаний // Вестник Европы. 1896. № 3. С. 198 – 208).

«В ужасе они разбегались, прятались по лесам, укрывались в еще не разграбленных аулах. Но истребительная гроза надвигалась далее и далее, настигала их и в новых убежищах. Обездоленные толпы, все более возрастающая в числе, бежали дальше и дальше на запад, а неумолимая метла выметала их также дальше и дальше, перебрасывала наконец через кавказский хребет и сметала в огромные кучи на берегах Черного моря.

Отсюда все еще оставшиеся в живых нагружались на пароходы и простые кочермы и выбрасывались в Турцию. Это пребывание на берегу было не менее ужасно, потому что пароходов и кочерм было мало.

Переселявшихся за море было свыше полумиллиона. Нелегко можно найти перевозочные средства для такой массы народа, и злополучные изгнанники по целым месяцам ждали на берегу своей очереди. Да о заготовке перевозочных средств никто и не подумал своевременно. Турецкое правительство было застигнуто врасплох такой массой эмигрантов. А почему наше ограничилось такими ничтожными мерами, как зафрахтовка трех пароходов Русского общества, да в крайнем случае перевозило на каком-то военном судне, - я не знаю. Вероятно, оно было обмануто фальшивой статистикой и тоже не ждало многих сотен тысяч душ переселенцев. К услугам эмиграции явились частные предприниматели, которые брали с горцев большие деньги и нагружали их на свои кочермы и баркасы, как сельдей в бочку. Они умирали там как мухи – от тифа и других болезней. Вся эта дикая травля – не умею найти другого слова – тянулась около четырех лет, достигши своего апогея в 1863 году. Бедствия черкесов не поддаются описанию. Убегая от преследований, они скитались без крова и пищи, зимой – при двадцатиградусном морозе. Зимы, как нарочно, были необычайно холодные. Среди черкесов стали развиваться опустошительные болезни, особенно тиф. Семьи разрознились, отцы и матери растеривали детей. Умирали под открытым небом и в норах. Рассказывали, что наши натыкались на случаи употребления несчастными человеческого мяса.

Я говорю об ужасах изгнания горцев как очевидец. Когда понуждения к их выселению докатились и до Новороссийска, все горы, окружавшие Цемесскую долину и бухту, задымились столбами дыма от выжигаемых аулов, а ночью всюду сверкали иллюминацией пожаров. Мы даже не подозревали, что наши горы были так густо заселены. Дым подымался и огонь сверкал чуть не в каждом ущелье. Эта зловещая картина стояла перед нашими глазами, пожалуй, так в течение месяца...

Сколько горцев погибло за это время от всяких лишений, голода, холода и болезней – это известно одному Господу.

Подсчитывать трупы по лесам и всяким трущобам было и некому, да и невозможно. Даже на берегу, где горцы находились уже под нашим надзором, массы умирающих закапывали поспешно и без внимательного подсчета. Думали только о том, чтобы трупы тифозных не распространили заразы. Отец показывал мне впоследствии места, где их зарывали (по ту сторону бухты), говорил, что трупы засыпались негашеной известью, что их было множество, но точного числа никому не называл.

Таких истреблений целого народа, как на Западном Кавказе, история назовет немного... Таким образом, огромный, богатый, чарующий красотой край был радикально «очищен» от населения, жившего там в течение тысячелетий...»

(Смолин М. Б. Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М.: Журнал «Москва», 2000).

«Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности».

(Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа к редактору московских ведомостей. СПб., 1865).

«Должно, однако, заметить, что граф Евдокимов, который, будучи непосредственным исполнителем официального “проекта заселения Западного Кавказа”, не слишком заботился об участии горцев, выселявшихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее следствие многолетней, дорого стоившей для России войны есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить число их и степень для них удобства жизни».

(М. И. Венюков. Кавказские воспоминания. // Русский Архив. 1880. Т. 1. С. 435).